

Вряд ли кого удивишь известным: как быстро летит время! Еще вчера ты был бос и юн, голова забита прожектами и идеями, которые не снились и Ньютону, а сердце радостно колотилось от предвкушения встречи с за-втрашним днем, наполненным солнечным светом и от того ласковым и теплым, а ты врываешься в этот день, лихой и не знающий печали, и все тебе до фонаря, все смотрят на тебя радостно, как на давно ожидаемое чудо, нуедва ли не как на господа Бога, излучающего веру, справедливость и надежду.

Ты в те далекие теперь от тебя часы и секунды, проведенные в ярком и блестящем мире, еще не знал всей мрачной философии этого же мира, еще не успел заглянуть на обратную сторону медали. Ты еще не был избит жестокостью жизни и еще не стал благодаря порке столь мудр в несчастиях своих, разъедающих тело и душу негромко, но ежедневно и ежесинко.

Душа твоя была еще чиста, как утренняя роса, и ты, дружок, никак не мог предположить, что услышанное в бодоногом детстве — "все люди — братья" сможет под ветром перемен показать и иное: "человек человеку — волк".

Но как бы там ни было ты

пришел в этот мир. И начались всплески огорчений и радостей, огорчений — потому что их всегда больше, потому что они рожденны заботами и тягостями, а радостей немного, они как лучик света в ежедневном хитросплетении помыслов, умыслов и ухищрений.

Розовый сон стал рушиться, и суровая проза жизни медленно и верно стала вытеснять заготовки детства. И в одно утро или один вечер ты вдруг понял свою ненужность для общества, в котором ты живешь. Заложенная в тебе матерью-природой великая сила познания и творцаоказалась никому не нужной. Но вот ведь что можно сказать по этому поводу, и будешь прав с одной стороны. Даже люди редких достоинств зависят от своего времени. Но время концентрирует в себе волю других личностей, и тут уж неизвестно чья возьмет. Не всем сужено было то время, когда они заслуживали, а кому оно досталось, не смогли его покорить. Примеров тому много. Лишь много лет спустя, когда не стало и его, и шедших рядом, общество новое востребовало его.

Конечно, спалить Джордано Бруно на костре инквизиции было легко, спалить и забыть о нем. Но спустя многие годы он был востребован обществом, и его гениальные открытия дали мощный толчок движению вперед всему миру. И таких, как Бруно, было, есть и будет много. Словно тени появляются они на небосклоне жизни и бродят непонятые, склоняясь на костре людской глупоты и слепости. Страшная тоска терзает их изнутри.

Натуры творческие и непоседливые, они творят для себя, втайне надеясь, что когда-либо то, что нарисовано, написано, сконструировано, станет людям необходимо. Необходимость эта будет столь велика, что все замыслы воплотятся в жизнь, какими бы абсурдными они ни были. Великий француз Винсент Ван Гог едва ли не собирал подаяние, презираемый и освистанный толпой. Но время

уже через век распахнуло ему двери, и картины, написанные им, стали национальным достоянием Франции. И не только ее.

У меня есть знакомый человек. Живет он в Пильво. По профессии связист и много лет обслуживал телефонную линию в сторону Углегорска и Александровска. Когда-то была такая линия. Его фамилию я называть не стану. В Пильво, где двести с небольшим душ, он известен. Так вот он давно,

награда — и это у нас всюду.

Но, согласитесь, в этом мы отчасти, если не больше, виновны сами. Судьба любит сыграть с нами шутку — она опрокидывает наши предположения, чтобы застать врасплох. Таланту, рассудку, доблести — всем этим качествам нашей души всегда надо быть настороже, потому что первый же день слепой беспечности будет их последним днем. И они не будут долго еще востребованы. Но разговор сегодня

повторять наяву

и во сне,
любоваться твоими глазами
и смеяться один

в тишине.

Это В. Адамов.

Очень трудная задача, предложенная бы нам вовремя: надо тонуть, чтобы научиться плывать. Именно так многие обнаружили в себе доблесть и получили славу, но все это в силу случая, а не будь его — быть бы погребенным в своей робости. Но разговор сегодня

леон, Гитлер, Сталин — народы грабили и грабят друг друга. И будут это делать. Разве в верхних эшелонах власти не воруют. Все газеты трещат о миллиардных состояниях некоторых руководителей страны, а мы делаем постную мину...

"Не убий!" Это хорошо, но не отмакнешься же от пули, которая летит. Успеешь — ответь.

"Не предавай" Предавать — это сладко и приятно, потому

Не вымолит ни плен, ни тление.

Мы лучше с гордостью умрем,
Над бурями свой прах рассеем.

Где солнца свет и бури рев —
Там наших душ грядущих веянье.

И пусть наш член и слаб, и уши.

Не слабость есть в железных душах.

Их значимость — не здесь ли? Тут?

Свистит, как ветер бури в уши.

На фотографии у него на-
шивка — "Служба безопасности". В свое время он рабо-
тал в Смирных. Затем охра-
нял Патриарха Алексия II и
Троицко-Сергиевскую Лавру.

Мой скромный разговор с
вами был уже написан. Но в
полночная передача по ТВ
"Час пик" (25.05.97, 00.34 по
Сахалину) с министром иностранных дел Е. Примаковым
было услышано: "Мы обеспокоены, что называется, утечкой мозгов за рубеж. К сожалению, среди тех, кто уезжал, много интеллигентов, инженеров, ученых. Они не вос-
требованы обществом сегодня. Их талант вернется, но
будет для России поздно".

Помните у Высоцкого:

Без устали безумная девица
кричала: вижу Трою павшей
в плах,

Но ясновидцев, впрочем, как
и очевидцев,
Во все века сжигали люди на
кострах.

Невостребованные души, таящие в себе энергию будущих перемен, — уже ясновидцы. Ладно, сегодня их уже не жгут. Но чуть-чуть легче получить пулью вместо костра инквизиции. Невостребованные души — это энергия, зажиганная в бетон непонимания. Это распад изотопов, который рано или поздно станет взрывом.

Посмотрите на себя утром. Подумайте над тем, что я сказал. Многим из нас можно сказать: вы личность невостребованная, и талант великого смысла у вас еще не открыт. Сожмите волю в кулак, отбросьте мусорные заботы и — вперед, в яркий и блестящий мир!

Виктор СУКОВ.
п. Смирных.

Он тоже пишет стихи и прозу, как Кира Киреева. Рядовой, как говорили ранее, советский человек. Он пишет примерно так же, как сказала Кира в стихе, приведенном выше: одинокая ночь, перечеркнутые листы, утром мешки под глазами. Но костер, горящий внутри, не погас, и странная надежда увидеть жизнь не в серых струях дождя, хотя художник и здесь может быть великолепен, а в ярости заката над морем, белыми барацками пеной волн, скромности своего приюта и в широте вселенского охвата души — это его стезя. Утром он идет на обычную, дающую деньги работу, а по ночам сжигает себя на костре собственного видеия мира, неподчинения дневной, часто подлой и бесчеловечной маяте. Прочтите его слова:

Я не знаю,
какими словами
объясняются люди в любви.
И приходят ли
чувствия те сами,
Или иначе
как назови.
Мои чувства
подобны приоям,
низвергающим
все на пути.
Водопадам,
что ищут покоя
и не могут
его обрести.
Я готов
твое имя часами

не о Господине Случае. Речь идет о контроле общества над выявлением, непрестанным выявлением для нужд всех талантов еще не востребованных. Их надо искать, как в народном хоре на спевке ищут одну певческую струю.

Он сейчас от нас далеко, в Москве-первопрестольной. Но заявил недавно и в дружеской беседе, усмехнувшись и с иронией сказал:

— Меня не понимают сегодня. Ничего, поймут завтра. Рано или поздно я окончательно упакую в формы мое понимание мира. Оно называется юрианство. Суть в чем, спрашиваете вы? В частичном отрицании заповедей христианства. Здесь нет кощунства над душой, ибо у каждого из нас она своя. Юрианство — это религия будущего. Заповеди:

"Не укради". Неверно. Крадут все изначально, и красть надо, но понемногу, потому что это заложено в натуре человека, он создан таким. Человек, сколько помнит себя, — воевал. С драконом, мечом, пистолетом, бомбой — разница невелика. Главное, кончалась чья-то жизнь, рушились города и государства. И из Персии, Македонии, Индии, Египта в великий Рим, и из Чили, Мексики, Бразилии в Португалию и Испанию шли караваны с золотом. Это не натурализм грабеж. Не будем искать аналогии далее. Напо-

СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ